

Анна и Антон с удовольствием участвуют в воспитании младшего братика Давида

— А вас не смущает разница в возрасте?

— Я об этом уже не думаю. Понимаю, что вопросы возникают — как же так, она живет с таким юнцом! Раньше я жутко стеснялась, что старше Антона. Все время думала о своей репутации и о том, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна». Антоху это раздражало. Он говорил: «Я не понимаю, кто должен переживать! Это я иду со старой теткой!» Моя стеснительность пропала, как только мы появились вместе на людях. А так — нам же всегда есть о чем поговорить, и мне с ним интересно.

— Без ссор в семейной жизни нельзя. Когда вы с Антоном не сходитесь во мнениях, как ваши родители реагируют на это, чью сторону принимают?

— О-о-о! Они предательски беспристрастны! Могут дать по башке и тому и другому. На самом деле это очень удобно. С любым вопросом можно прийти и к папе, и к маме.

— Вы называете вашу мачеху мамой? Так кто же она для вас — мама, Анна или просто подруга?

— Мы ее называем (переходя на бас. — Прим. ред.) «наша мама». Она — замечательный человек с интересной судьбой. Несмотря на то, что Анна по образованию биолог, с искусством ее многое связывает. Ее отец — художник, сестра — архитектор. Аня давно ушла из своей лаборатории, училась рисованию, специа-

лизовалась на дзен-живописи, работала художником-оформителем, дизайнером. Сейчас, пока она сидит со своим младшим сыном и одновременно моим братиком Давидом, решила полностью отдаться живописи и в свободное время пишет мой портрет. Вот как у нас, у Большовых, все закольцовано и взаимосвязано! Разве это не ирония судьбы, что мой муж — сын любимой женщины отца? Что дети и родители поженились? Что сводные брат и сестра два года назад стали мужем и женой? И я безумно счастлива, что у нас так все сложилось.

— Вы удачливы и в личной жизни, и в профессиональной. Это счастливый случай или вы все же приложили к этому усилия?

— Забавно, но у меня в жизни все складывается органично, как-то само собой. Я родилась в обычной интеллигентной семье скромных физиков, но уже с раннего детства знала, что стану актрисой. И дело здесь даже не в моей бабушке, сыгравшей много главных ролей на сцене провинциальных театров. Кажется, я появилась на свет с этой мыслью. Я ни с кем особо не делилась своими планами на будущее и жила себе тихо-спокойно. Ходила пять раз в неделю в горнолыжную секцию на Ленинских горах, учила английский, занималась рисованием и музыкой. Я жила как в том стихотворении: «Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота» — до тех пор, пока моя подруга не привела меня в театральную

студию. Тогда я решила, что заниматься всем сразу мне очень сложно, что большой спорт мне неинтересен, и бросила все, кроме студии. Правда, и в ней я долго не задержалась — как-то несерьезно все там было.

— Такие высокие требования в столь юном возрасте?

— Дело было даже не в уровне педагогов, просто все наши занятия были чистой любительщиной. А мне была нужна профессия, и я это понимала даже в 13 лет. Я благополучно покинула стены этого драмкружка и пошла учиться в театральное лицей, бросив школу. Узнала, что идет набор на экспериментальный курс профессора РАТИ Бориса Голубовского. Там должны были учиться режиссуре люди лет 20—30 одновременно с актерами лет 14—16. Как потом выяснилось, на этот курс был колоссальный конкурс — за 4 месяца педагоги прослушали около 800 человек. Я пришла поступать со своими двумя одноклассниками, чувствуя себя крутой после театрального лицея. Все другие абитуриенты тряслись от страха перед прослушиванием, а мы, одетые в черные трико, даже бровью не вели. В итоге поступили все трое, и педагоги почти полгода выбивали из нас лицейское образование.

— Легко ли было учиться среди взрослых студентов?

— Потребовалось время, чтобы мы нашли общий язык. Но их понять можно: бедные режиссеры были в шоке —

ведь они поступали на нормальный курс, а оказались связанными с какими-то малявками. Многие из них ушли сразу, кто-то остался. Но самые большие сложности начались где-то на четвертом году обучения. Ведь нам обещали, что мы участвуем три года в этом эксперименте, а затем автоматом перейдем на 4-й курс обычного актерского факультета РАТИ. В последний момент выяснилось, что по закону сделать это невозможно. Ведь мы все не окончили 10 классов и не получили аттестат. Так что образование у меня осталось незаконченное среднее.

— Но оно тем не менее не помешало вам сразу же поступить в Театр Гоголя и играть там главные роли...

— Меня там ждали — мне сказали, чтобы я никуда больше не ходила показываться после окончания института, что в Театре Гоголя есть для меня работа. Я никуда больше и не пошла. Ведь не отказываться же, если тебя зовут на главные роли?!

— А как отнеслись актрисы этого театра к тому, что вы, такая юная, потеснили их и заняли свою нишу?

— Даже если за моей спиной и были пересуды, я этого не замечала. Хотя очевидно, что особые восторгов мое появление ни у кого не вызвало. Уже потом я поняла, что иначе и быть не могло — а за что им было меня любить? Состоявшимся актрисам нужна определенная мудрость и трезвость, чтобы спокойно реагировать, когда в театр приходят моло-

«Однажды я поняла, что по уши влюблена в своего сводного брата»

